

Брат

Автор:

Натиг Расулзаде

Брат

Натиг Расулзаде

Фантастический рассказ о двух братьях-близнецах, похожих как две капли воды, но абсолютно разных по характерам: один – тихий семьянин, под каблуком у жены, второй – бандит и развратник. Умирает бандит, и внезапно тихий брат, приехавший на его похороны из Москвы в Баку, превращается в него, бандита, необузданного и дикого, помня все его связи, дела, ограбления, проституток, подельников.

Натиг Расулзаде

Брат

Ночью внезапно ему сделалось плохо, в какой-то миг он даже подумал, что умирает, не доживет до утра. Голова болела адски, нечеловеческая боль висела где-то в области височной кости, пронзала череп, его стошнило на коврик перед кроватью, сил не было подняться, дойти до туалета. Жена переполошилась, в «скорую» звонила. Было четыре утра, когда все прекратилось так же вдруг, как и началось.

– С чего бы, господи? – тихо, испуганно причитала Маша, жена. – Вроде бы ничего не ел такого, я думала, отравился, все симптомы отравления...

– Не пил? – сонный неряшливый врач «скорой», изучая слабый пульс, пояснил: – спиртное?

– Да он вообще не пьет, – почему-то возмутилась Маша.

– Явный упадок сил, – констатировал врач. – А так все нормально вроде. Пусть отдохнет денька два.

Но отдохнуть не пришлось ни два денька, ни даже один. Утром пришла телеграмма, срочная: «Умер брат твой родной. Скончался четыре утра. Мама».

Библейский тон телеграммы в какой-то мере шел от незнания отправлявшим русского языка, к тому же был предназначен для его начальства на работе – чтобы знали, что именно родной брат умер, и отпустили бы приехать на похороны. Да и билет на самолет, конечно. С такой телеграммой на руках будет гораздо проще срочно взять билет в аэропорту. Он был сражен – его брат-близнец, тридцати шести лет, здоровый, полнокровный, в расцвете сил, и вдруг – умер. Это не уместилось в сознании. Умер. Внезапно. Уме-ер. Он перекатывал это слово в мозгу, и оно никак не соответствовало цветущему виду веселого, любящего покутить, пожить, пошуметь брата, человека авантюрного склада, брата, который был прямой противоположностью ему... Надо было действовать, куда-то мчаться, что-то делать, покупать билет на ближайший рейс до Баку, а он сидел на краешке кресла, безвольно уронив плечи, опустив руки, в одной – телеграмма. Будто вот-вот упадет с кресла. На самом краешке. Маша с тревогой наблюдала за ним, не решаясь что то сказать. Она понимала, что надо теперь срочно лететь в Баку, чтобы успеть на похороны.

Чудовищно, думал он, чудовищно, и, кажется, сказал это вслух, потому что жена вдруг чуть встрепенулась. В самолете он спал. Ужасная ночь, когда он физически переживал смерть брата-близнеца, крайне утомила его, и он ни о чем не мог думать, и все клонило в сон, закрывались глаза, и он заснул, и приснился ему кусочек из их детства, вернее, из детства его брата, Азада. Дача в Приморском, что возле селения Мардакяны, горячий белый песок под ногами, все кругом залито жарким солнцем, низкие, стелющиеся по земле, по песку виноградники, раскоряченное дерево инжира, и мама на крылечке дома, разморенная жарой, говорит его брату, Азаду, чтобы он был осторожнее и смотрел под ноги, здесь могут водиться змеи, и Азад поднимает поочередно свои ножки и смотрит на пятки. Им с братом по четыре года. Он вдруг проснулся и уставился на поднос со стаканчиками в руках у стюардессы, который она совала ему под нос, предлагая попить. Губы ее зашевелились, он отвел глаза от лица стюардессы, бессознательно взял стаканчик, стал пить и заплакал. Потом он опять заснул и снова вспомнилось детство, когда они поехали в Кисловодск, в

те годы было модно ездить в Кисловодск, в Пятигорск, для Закавказья они считались престижными курортами, и как-то, гуляя с мамой втроем, они набрали на старушку-цыганку, которая вцепилась в маму, как клещ, и не отпускала пока не выудила у нее деньги, а потом нагадала им будущее, что оба ее сына-близнеца умрут в один день и от одной болезни, мама страшно рассердилась и перепугалась, торопливо увела их домой, отцу рассказала, на что он резонно заметил, что умереть можно и в глубокой старости, и вместо того, чтобы паниковать, надо было уточнить у цыганки, тем более, что деньги заплачены... Теперь, вспомнив этот эпизод, он тяжело вздохнул во сне – в один день и от одной болезни – не угадала, обманула цыганка.

Весна обрушилась на этот город, как бедствие – внезапно, раньше времени, без малейшего перехода от зимы – вдруг подул теплый, болезнетворный, беременный солнцем ветер, и то немного, что успело выпасть накануне и что трудно было бы назвать снегом, тут же превратилось в грязь и слякоть под ногами у прохожих. Голые деревья приободрились в ожидании почек и цветов, а мрачные лица на улицах стали щуриться, изображая улыбки. По-настоящему улыбаться в этом городе уже не умели, умерли тихие радости; хохотали, это да, хамски, не заботясь о том, что могут доставлять неудобство окружающим; множество молниеносно разбогатевших людей старались как можно ярче прожигать жизнь, но выходила от этого прожигания одна вонь; а вот улыбки исчезли, те, кто уехал, не веря уже в возрождение этого, некогда столь прекрасного города, увезли с собой свои улыбки, те, кто остался, – улыбаться разучился. Он смотрел в окно такси и не мог думать, не мог сосредоточиться ни на чем, но как-то непривычно ярко воспринимал окружающее, чего с ним почти никогда раньше не бывало – болезненно-реально воспринимал и эту весну, и людей на улицах, и деревья, и дома. Он был несколько удивлен: по натуре он слишком мечтательный, замкнутый, чтобы так сильно ощущать реальность; с детства он мечтал о будущем, и это было вполне естественно, теперь, когда будущее уже становилось прошлым, он мечтал о прошлом, преобразовывая его задним числом, придавая себе решительный, деятельный характер, как у его брата-близнеца, мечтал о том, что давно прошло, что можно было бы сделать не так, что всю жизнь свою можно было бы построить не так... Мечтал, мечтал... Вот покойный Азад – другое дело, он был слишком реальным, до мозга костей, жил этой минутой, этим днем, на остальное ему было наплевать, и мечтания вызывали у него недоумение и даже раздражение, хотя нельзя было утверждать, что воображение у него было притупленным.

Дом был старый, что говорится, на ладан дышал, и давно предназначен на слом, но дело в том, что все дома в этом квартале были не лучше и сносить надо все

или ничего не трогать, так и проходили годы, и все оставалось по-старому, и становилось все старше и старше, пока, устав стоять, не валилось само собой, и тогда подводили итог – аварийный дом, хотя аварийным он был уже тридцать лет назад. В одном из пример, но таких домов и жил брат с матерью. Он вошел во двор, где повеяло на него воспоминаниями детства, поднялся по скрипучей узкой деревянной лестнице и тут же попал в объятия родных. В доме оказалось полно людей, его стали хватать, целовать, обливать слезами, плач, чуть слышимый со двора, здесь было гораздо громче, мать теребила его, что-то говорила. В распахнутую дверь комнаты отсюда, из коридора, виднелось на столе изножье гроба без крышки. Крышку он видел во дворе, она стояла, прислоненная к входной двери, извещающая всех, что в доме покойник. Ему что-то рассказывала мать. Он поглядел на нее тупо, напрягся, прислушиваясь, и тогда узнал, что брат его умер от менингита, скончался – как сгорел – в больнице в течение трех дней, не приходя в сознание, пребывая все трое суток в глубокой коме. Он слушал, понимал теперь, но все равно не мог хорошенько сосредоточиться, ловил себя на странных ощущениях, будто это и не он вовсе, как бы со стороны видя и наблюдая за самим собой, будто кто-то другой за него слушает и плачет, и целует маму, и гладит ее по голове.

В тот же день хоронили Азада. Душный, теплый, почти летний день, несмотря на то, что стоял еще только март. На кладбище многие сняли свои пальто и плащи и держали их, перебросив через руку, солнце блестело нестерпимо, мулла читал молитвы густым спокойным голосом – смерть для него была работа, всего лишь работа, средство для существования; над ними пролетел самолет, на несколько секунд абсолютно заглушив зауспокойные молитвы муллы своим нарастающим гулом.

Ночью он долго не мог заснуть. Плакать не хотелось, он мог трезво размышлять, но в то же время ему казалось странным, что он не может проникнуться этой страшной потерей самого, может быть, близкого человека на свете. На миг проскользнуло в мозгу, что он, непонятно как, охвачен бездушностью и черствостью брата по отношению к окружающим, равнодушием, которое характерно было для покойного. Он лежал без сна, и чем дальше, тем труднее, тем почти невозможнее было ему осознать горе, прочувствовать всю неизмеримую глубину его... Что-то странное, необъяснимое творилось в его душе. Потом он заснул и приснился ему его брат-близнец, Фуад, который уехал в Москву и вот уже три года, как там женился. – Смотри же, – говорил он Фуаду на прощание, – будь осторожен, сам знаешь, какое время смутное. Звони почаще, мама будет беспокоиться, понадобятся деньги, дай знать, пришлю моментально.

Фуад кивал, соглашаясь, но во взгляде его была непонятная ему отрешенность, туманность, видно было, что мыслями он далеко отсюда, от брата. Это его сердило.

– И не будь разиней, – сказал он в сердцах. – Люди только того и ждут, чтобы тебя облапошить. Научись жить.

Фуад улыбнулся ему вдруг такой беззащитной, мягкой, доброй улыбкой, будто они прощались навсегда. И он понял, что никогда тот не научится жить, и будут его постоянно обманывать, и он в ответ будет вот так вот, как сейчас, улыбаться. У него сердце защемило.

– Обнимемся, брат, – сказал он.

Они обнялись. Потом он полез в карман и вытащил деньги.

– Ничего не говори, – сказал он. – Ты уезжаешь. Не помешает. Бери.

– Нет, не надо, – сказал Фуад, осторожно отстраняя от себя руку брата с деньгами. – Ты с мамой, тебе будет тяжелее, оставь. – Бери, тебе говорят, – он насильно впихнул деньги в карман брату. – Для тебя отложил. Не такие уж большие деньги – тысяча баксов. На первых порах может сгодиться, пока устраиваться будешь.

И Фуад уехал.

Утром он проснулся с тяжелой головой, к тому же еще и сердце побаливало, чего раньше с ним никогда не случалось, никак не мог вспомнить, что видел во сне, встал, оделся. Надевая пиджак, по привычке пощупал нагрудный карман: он был пуст. Этого не могло быть: он отлично помнил, что там лежали деньги, тысяча долларов, которые он положил перед отъездом... Он тряхнул головой, будто отгоняя наваждение. Перед каким отъездом?.. Что за чушь? Как каким? Перед отъездом из Москвы... Да? А что же он там делал, в Москве? Нет, этого быть не может, он здесь, дома, и последние десять лет никуда из Баку не выезжал, мама постоянно болела да и дела всякие... Нет, конечно же, он вспомнил: он вчера выиграл в казино эти деньги, и в тот же день вложил их в дело, приятель едет в Дубай за товаром, он отдал ему и просил привезти и на его тысячу тоже. Вот и все...

Мама, тяжело переставляя ноги, вошла в его комнату. Она очень по старела, заметил он про себя, впрочем, тут же прибавил он, вполне естественно, что, чем больше живешь, тем больше старишься, обратного процесса, к сожалению, нет. Некоторое время она молча, тяжело переводя дыхание, смотрела на него.

– Фуад, – сказала она тихо.

Он недоуменно посмотрел на нее. Она присела на краешек кровати. – Нет больше нашего Азада, – она всхлипнула. – Что ты, мама, – сказал он. – Я здесь, не плачь.

Но она продолжала плакать и причитать о чем-то своем. Мама совсем больна, подумал он, и тут вовремя вспомнил, что у него сегодня утром важная встреча. – Я всю ночь не спала, вспоминала его, каким он был, – продолжала она, тихо плача, не замечая его суетливых движений. – Он много мне крови испортил, много нервов потрепал, бывало, ночами не сплю, жду его, волнуюсь, а он ни на утро, ни на следующее не приходил, пропадал по суткам, по неделям, я на первых порах звонила в милицию, по больницам, по моргам искала его, – она вдруг громко зарыдала, – но пусть лучше так, пусть все, что угодно, лишь бы был, лишь бы был мой сынок, – она немного помолчала и снова заговорила, поглядев на него. – Не то, что ты, сыночек, он был полной противоположностью тебе, будто вы не только не близнецы, но и не братья вовсе, совсем на тебя не был похож, ты спокойный, рассудительный, тихий, а от него, помнишь, вся улица в детстве плакала, как выходил, все прятались, знали – жди неприятностей, как Азад появился на улице... Ты что, Фуад, куда-то собираешься?..

Эти двое ждали его, как договаривались, в маленьком, безлюдном переулке, аппендицитовым отростком уходящем от одной из центральных улиц города. Завидев его, они подошли и молча передали ему кулек из плотной бумаги, какие продают здесь на базарах. Он, не говоря ни слова, заглянул в кулек – там лежали деньги: две внушительные пачки зеленых купюр.

– Как договаривались, – сказал один из них. – Будешь пересчитывать?

Он помотал головой.

– Не беспокойся, – сказал второй. – Как в аптеке. Бумажка к бумажке.

– Созвонимся, – сказал первый, и они ушли.

Он взял кулек под мышку и вышел из переулочка. Ноги сами привели его к Лале. Входя в подъезд, он поднял голову, оглядел фасад дома, окна на втором этаже, дом казался знакомым, а в подъезде он к тому же отчетливо вспомнил запахи, острые, сложные, неприятные запахи, которые никакими силами нельзя было выветрить отсюда. Как давно я здесь не был, подумал он, поднимаясь по лестнице, и тут вдруг очень ярко вспомнил объятия Налы, ее стоны в постели, которые приводили его в неистовство, их с ней любимые позы. Она открыла ему дверь и чуть не вскрикнула, увидев его на пороге. Вид у нее был крайне утомленный, усталый.

– Ты?! – в каком-то суеверном ужасе воскликнула она.

– А ты кого-то другого ждала? – спросил он входя.

– А? Что тут неожиданного, в моем приходе?

– Нет... – растерянно проговорила она. – Но мне... мне...

– Что тебе? – спросил он, проходя в комнату и спокойно разваливаясь на диване.

– Давай, рожай.

– Мне сказали, что ты... что будто ты умер, – произнесла она наконец.

– Вот это здорово, – покивал он, разглядывая ее с ног до головы и тут вдруг ощутил сильный прилив желания.

– Еще что скажешь веселенького? – спросил он, поднимаясь, подошел к ней вплотную, повалил ее на диван, и грубо, без всяких ласк взял, намеренно делая больно и получая удовольствие от ее криков. Потом, когда оба умиротворенные лежали на диване, он спросил: – Теперь убедилась, что я не умер?

– Теперь – да, – сказала она.

– Еще как не умер.

– Я приду сегодня ночевать, – сказал он.

– И может, завтра тоже. С матерью творится что-то неладное.

– А что? – она спросила с такой заботливостью в голосе, что ему сделалось немного неприятно, и он пожалел, что вообще заговорил об этом. Надо было к Кате пойти, та не сует свой нос куда не надо, запоздало подумал он.

– Ну... странности... – тем не менее, хоть и неохотно, ответил он. – Меня с Фуадом путает, и вообще... – Но ведь за ней, наверно, надо присматривать сейчас. – Тетя с ней побудет. Родни у нас, как собак нерезаных. Мне надо отдохнуть немного, ее разговоры меня раздражают, в последнее время вопросы какие-то нелепые задает... – А ты сам нормально себя чувствуешь? – спросила она. – Нет, – сказал он. – Ненормально. Все время трахаться хочется, – он схватил ее в объятия, прижал к себе так, что она пискнула. – Сперма ударяет в голову слишком часто, вот и болит голова.

Утром он позвонил матери.

– Ма, – сказал он, – у меня тут кое-какие дела, меня дня два не будет. Тетя Соня пусть ночует у нас. – Фуад, дорогой, где ты был? – по-старчески запричитала мать тут же, как услышала его голос в трубке, не вникая в то, что он говорит ей. – Я так волновалась. Вчера Маша звонила из Москвы, тебя спрашивала, а я и не знала, что ей сказать. – Ладно, ма, мне пора, вечером позвоню. Не забудь с тетей договориться, – и он повесил трубку.

«Бедная ма совсем плоха, – думал он, шагая по улице, – упорно зовет меня Фуадом... Скучает, видно, по нему... Впрочем, она и в детстве постоянно путала нас... Но Маша... Какого черта ей от меня нужно?... Спрашивала меня, говорит... Странно, странно, весь мир свихнулся будто... Лучше б она за своим мужем ухаживала. Кажется, у них с Фуадом не очень-то ладится в последнее время... За три года ребенка даже не нажили...»

– Эй!

Окрик совпал с пронзившей его, как судорога, картинкой, вдруг вставшей перед глазами. Краешком сознания поняв, что окликнули именно его и окликнувший

торопливо подходит, он неожиданно остановился, будто оглушенный, внезапно вспомнив стюардессу с подносом, себя в самолете, вонь от разутых ног, самолетный специфический холод, который сейчас достаточно явственно возник в его ноздрах. Что я там делал?

Что я там мог делать? Нет, ерунда какая, думал он растерянно. Не был я там и быть не мог, так, что-то застряло в памяти из прошлого, а будто вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rasulzade_natig/brat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)